

Юлия Горбатова*

ОТВЕТЫ ДЛЯ ПАНЕЛЬНОЙ ДИСКУССИИ, ИЛИ ДУДОЧКА И КУВШИНЧИК**

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-167-178.

Перед тем как дать персональные ответы каждому автору, принявшему участие в дискуссии, я бы хотела выразить искреннюю признательность и горячую благодарность всем, кто откликнулся на мою статью. Я рада и пониманию, которое нашла, и тому, что практически каждый позволил себе сбросить броню академизма и написать мне так, как обычно строятся разговоры философов поздно ночью за кофе или чем-то покрепче — когда все знают, о чем ты, даже если слышат тебя впервые. Я рада и тому, что каждый при этом смог сказать о чем-то своем, иногда для меня совершенно неожиданным, иногда — очень и очень долгожданным. Я рада возможности побыть не преподавателем философии и не ученым-философом, но тем, кем и бывает обычно философ: совершенно одиноким среди толпы, утешающим себя тем, что все здесь одиноки, но некоторые, как и ты, знают и принимают свое одиночество, — важный дар, без которого путь не имеет смысла. Я рада возможности снова вернуться и пере-думать то, о чем писала в своем эссе: отточить формулировки, доопределиться, до- и переформулировать. Я рада тому, что, кажется, не все пути так трагичны, как представляется мне (хотя путей без отчаяния и страдания я все равно признать до конца не могу). Я рада тому, на что надеялась и не надеялась одновременно, а именно — *узнаванию*, которое есть лучшее доказательство правильности пути, по которому я (как и некоторые из) иду. В конце концов, я рада и тому, что могу еще раз написать на очень для меня важную, смыслообразующую тему.

Всем нам время от времени жизненно необходимо убедиться, что думаешь не в пустоте. Потому я и испытываю такую радость от протянутых мне рук, ни одна из которых не оказалась рукой отталкивающей,

*Горбатова Юлия Валерьевна, к. филос. н., доцент школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», jgorbatova@hse.ru.

**© Горбатова, Ю. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

но все — дающими. Надеюсь, что возникшая дискуссия не прервется после публикации номера, что, напротив, — это лишь ее начало, и мы сможем еще не раз встретиться и обсудить темы, которые волнуют нас как философов, но о которых так редко удается поговорить всерьез.

Сейчас, прочитав комментарии, я вижу, что коллеги увидели в моем эссе и посчитали важными для себя следующие темы:

- (1) определение базовых понятий (мышление, сознание, рациональность);
- (2) отличие человека от животных;
- (3) экзистенциальный (пограничный, мистический, трансцендентальный) опыт;
- (4) смерть как условие такого опыта;
- (5) философия как упражнение.

Не каждый из коллег писал по каждой из поднятых тем. На мой взгляд, я и сама писала не обо всем, что есть в этом списке. Но так увидели авторы мои размышления, а я постараюсь честно ответить на то, что увидела в их текстах.

СЕРГЕЙ ЖДАНОВ

Текст Сергея — наиболее сухой и академический из всех. Я понимаю естественное желание Сергея «разобрать по косточкам» основные вопросы, затронутые в тексте, а заодно — выразить неудовольствие экзистенциальными идеями, наводняющими этот текст. Насколько я могу судить, основная претензия Сергея заключается в том, что экзистенциализм — плохая основа для рассуждений, ведь его последователи говорят на том же «птичьем» языке, что и отцы-основатели, не выражая желания прояснить хоть какие-то из «базовых» терминов. Для науки такое положение дел выглядит сомнительным, если не сказать — неприемлемым.

Сергей идет еще дальше и стремится показать, что дело не в науке, мышлении или языке, но лишь в психологических состояниях, которые я неудачно смешала с аналитическими попытками рассмотрения языка и мышления. Так, Сергей пишет:

На мой взгляд, не существует никаких «глубинных» истин, которые могут открываться в чистом мышлении (а также никакого «просвета бытия», в котором можно было бы стоять или не стоять и т. д.). Существуют просто истины, или факты, и эти истины разными существами могут по-разному

оцениваться с точки зрения их важности для этих существ. Другими словами, надо отделить эмоции от фактов, — и все тут же встанет на свои разумные, предопределенные наукой места.

Возможно, дело обстоит именно так, хотя мне бы этого и не хотелось. Я отдаю себе отчет (а Сергей прямо об этом пишет), как описанное мною смахивает на описание чудес, которые якобы с кем-то когда-то происходили. Нельзя сказать, что подобное сходство меня не тревожит — тревожит. Однако я вижу и принципиальное различие между переживанием чуда и состоянием обнаружения себя в «просвете бытия». Этим различием я полагаю общность переживаний, характерную для последнего. Собственно, пока я писала первое эссе, меня все больше охватывала уверенность, что если описать процесс корректно, многие смогли бы узнать в нем собственные когда-то пережитые состояния. Моя радость от панельной дискуссии в первую очередь связана как раз с тем, что эта уверенность нашла подтверждение в текстах некоторых участников дискуссии. Это общее, но не одновременно пережитое «чудо», как мне представляется, и позволяет с достаточной степенью уверенности заключать, что подобные состояния не могут быть просто отброшены как результат чрезмерной эмоциональной экзальтированности отдельных человеческих субъектов.

Замечу, однако, что переживание описанных состояний ни я, ни мои коллеги не предлагали рассматривать ни как предмет для серьезных исследований, ни как обоснование каких-либо научных положений. Речь идет, скорее, о том, что такие состояния с человеком могут случаться, и они для него значимы. Даже если мы признаем их «лишь» эмоциональным избытком, они не потеряют ни в своей важности, ни в своей яркости. Такие переживания раз и навсегда меняют жизнь, делают ее глубже и осмысленней, хотя и не делают проще и приятнее.

С другой стороны, идея о том, что человек в принципе может отвлечься от прагматики и рассуждать сугубо логически, в последнее время представляется мне все более и более ограниченной. Я ни в коей мере не отрицаю ни полезность, ни всеохватность любимой мною науки логики, однако склоняюсь к убеждению, что в реальной жизни (в частности, в научной) — человек слишком человек, а потому даже в тех случаях, когда внимательно следит за своими сугубо логическими рассуждениями, вполне может не учитывать собственный эмоциональный контекст

этих рассуждений или не замечать каких-либо когнитивных искажений, влияющих на его общее отношение к исследуемому вопросу¹. Как отмечает Франс де Вааль, «ученые едва ли более рациональны, чем верующие, а само представление о беспристрастном разуме основано на гигантской ошибке (мы не в состоянии даже *думать* без эмоций)[...]» (Вааль, 2018: 111).

Что же касается идеи, что мыслить без языка возможно, я рада, что тут мы, кажется, с Сергеем совпали в интуициях, хотя и не вполне уверена, что под мышлением мы понимаем одно и то же; но, кажется, по крайней мере достаточно сходные идеи.

ИГОРЬ ГАСПАРОВ

Продолжая тему о мышлении, Игорь первую трудность видит как раз в том, что я не вполне корректно решаю «проблему» Декарта и де Вааля через наивное доопределение понятий:

с точки зрения Декарта, [...] мышление — это вообще не когнитивная способность, а скорее некий психологический акт, интроспективно самоочевидный для его обладателя, но полностью закрытый для кого-нибудь иного, по крайней мере, если смотреть на это с позиции обретения полной достоверности. В этом смысле ответ на вопрос «мыслят ли другие люди?» столь же загадочен, как и ответ на вопрос «мыслят ли другие (не-человеческие) животные?».

Однако я не вижу тут затруднения. Если дела обстоят таким образом, как указывает Игорь, то «проблема» все равно остается чисто терминологической: получается, что для Декарта мышление есть только в узком, специальном, а для де Вааля — только в самом широком смысле слова. Да, судя по всему, они не смогли бы примирить свои подходы. Но, по крайней мере, нет и повода уличать друг друга в некорректности, ведь совершенно очевидно, что дело свелось к непроясненности ключевого термина.

По мнению Игоря, вторая,

более серьезная трудность состоит [...] в том, как субъективный психологический акт — когнитивный или волевой, — взятый сам по себе, может приоткрыть вечную истину. Почему опыт личного соприкосновения с истиной должен быть чем-то большим, чем просто субъективным.

Действительно, это важное замечание. Тут определенно есть трудность, но только с точки зрения сухой академической науки. Я бы не

¹Конечно, все это в полной мере касается и моих собственных рассуждений.

взялась объяснять или, тем паче, доказывать, что субъективный, почти мистический акт является заодно актом *познания*, то есть достижением некоторого общего и объективного знания. Вся моя статья как раз об этом затруднении: тут вся сложность (или простота?) в том, что «по ту сторону» какие бы то ни было обоснования совершенно излишни. «Там» объективность очевидна, «тут» — она помнится, но не воспроизводима.

Может ли такой опыт быть ошибкой, результатом воспаленного сознания? В принципе, конечно. То, что не позволяет его отвергнуть немедленно как бесполезный или даже бессмысленный — это поразительное однообразие «воспалений», прослеживающееся у многих людей, не обязательно — философов. Подобного рода опыт (это признает и сам Игорь) переживается значительным количеством людей. Он никак напрямую не связан с философией. Особенно — с философией как наукой. Другое дело, что людям с профессиональным философским образованием проще о таком опыте рассказать в силу по крайней мере двух причин:

- (а) они и так слынут существами бесполезными, несущими всяческую околесицу, а значит не сильно рискуют «потерять лицо» после столь странных признаний;
- (б) у них в распоряжении значительный арсенал средств для передачи подобного опыта и меньше страха, что они «не в себе» (последнее — во многом в силу предыдущего пункта).

Итак, подводя итог, еще раз подчеркну, что (на мой взгляд) Игорь верно уловил общее направление моих рассуждений об общности и специфичности, но в то же время терминологической (языковой) невыразимости описываемого опыта. Я могу лишь подтвердить, что в настоящий момент задача *словами* точно и корректно описать состояние нахождения в «просвете бытия» кажется мне неразрешимой, что, впрочем, не означает, что на этом основании самому состоянию должно быть отказано в признании.

АЛЕКСЕЙ ГАГИНСКИЙ

Рассуждения Алексея можно рассматривать как прямой ответ на рассуждения Сергея, хотя с последними Алексей знаком не был. Так, Алексей пишет, что

конечно, может показаться, что эмоциональная сфера не связана с мышлением напрямую, но так происходит лишь в силу «когнитивной ошибки»,

весьма распространенной в гуманитарных исследованиях, согласно которой мышление, или вообще сознание, редуцируется к познанию, знанию, т.е. к когнитивному.

Тут я должна с Алексеем согласиться. Во-первых, мое собственное определение мышления далеко от удачного, во-вторых, оно, пожалуй, действительно являет собой попытку остаться в «научном», безэмоциональном мире, что, кажется, не является оптимальным решением для обсуждаемой темы. В свое оправдание могу сказать лишь то, что в момент написания эссе мне такое понимание казалось принципиальным, а уход в эмоциональное поле — избыточным. Теперь, однако, я склонна признать, что такое максимально расширительное понятие мышления может оказаться весьма продуктивным.

Моя попытка, однако, и правда никак не укладывается в область философии языка, поскольку это попытка описать опыт, который выходит за пределы языка и мира. Опыт (как справедливо отмечает Диана) — трансцендентальный, или *пограничный*. А такой опыт не описывается строгими схемами логики, философии языка, лингвистики или прагматики. Он, правда, и «живыми» формами психологии или риторики не описывается тоже. Для меня очень важно, что Алексей чутко уловил и подхватил мои интуиции на эту тему: «[...]можно попытаться что-то *обозначить*, описав этот опыт, но „никакого профита“ от этого не будет, потому что это лишь информация, которая не дает *опыта* описываемого явления».

Также мне близко и понятно предложение использовать термин «целомудрие»,

но не в банальном смысле слова, а держась корней, когда человек обретает некую целостность, некий новый опыт, умудряющий его. Иначе это можно назвать моментом, когда сущность и существование совпадают — это и есть состояние в просвете бытия.

В чем, возможно (я пока не вполне уверена), прав Алексей, так это в утверждении, что осознание своей конечности может быть достаточным, но не необходимым условием достижения описываемого трансцендентального состояния. Не исключено, что мое предположение о необходимости такого условия поспешно и базируется на не вполне осознаваемой культурной христианской традиции, от которой следует в данном случае отказаться.

КОНСТАНТИН ПАВЛОВ-ПИНУС

Константин также не обошел стороной попытки определить особенности человеческого мышления. Я необыкновенно признательна ему за решение, которое гораздо изящнее и остроумней всех моих скучных интуиций и слабых попыток дать определение человеческому мышлению. Я совершенно очарована утверждением, что

своеобразие человеческого существа [...] заключается как раз в том, что это единственное существо, способное на спонтанность *сознательных* поступков, *осознанную* иррациональность поведения, и т. п. В этом смысле я склонен рассматривать именно животных (а не людей) как существ насквозь рациональных — и *не умеющих иначе* [...] А человек состоит из сплошных «иначе». Именно это и делает его существом с неопределенно большим числом степеней свободы.

В связи с этой удивительной по простоте и красоте интуицией я вынуждена признать, что моя исходная попытка определить мышление и, далее, — сознание потерпела фиаско. Однако, как мне кажется, если я возьму на вооружение идеи Константина, общая схема рассуждений не только не ослабеет, но станет более ясной и стройной.

В то же время я не вполне согласна с заявлением Константина о том, что животные, хотя и умеют решать сложные жизненные задачи, тем не менее, не умеют сами такие задачи порождать. Задачи якобы ставятся перед ними только внешним образом: так сложились обстоятельства, но не само животное создало такие условия. Насколько я могу судить, в свете последних исследований этологов (в частности, де Вааля) есть вполне серьезные основания в некоторых случаях наблюдать в обычной жизни животных признаки культуры, политики и даже морали, а это верные признаки способности самостоятельно поставить цели и стремиться к их достижению. Так что тут, кажется, все же придется потесниться и дать животным место на скамейке сознающих (или хотя бы обладающих внутренней рациональностью) существ.

Где тесниться пока еще не нужно, так это как раз в области осознанной иррациональности и спонтанности. Возможно, тут можно найти «объективное» отличие рациональности прочих живых существ от рациональности человека (не исключено, что нет). В основном следуя здесь за М. К. Мамардашвили, я позволю себе заявить, что человек — единственное животное, которое *сознательно* может принять решение умереть. Например, потому, что умереть в некоторых ситуациях оказывается правильнее, чем выжить. Правильнее с точки зрения не

эволюции, но этических норм, внутренне добровольно принятых и так настроенных, что отступление от них становится страшнее смерти.

Я, правда, не исключаю, что де Вааль не согласился бы и с таким различием. Как известно, он сторонник развития морали не «сверху вниз», а «снизу вверх», то есть полагает ее одним из результатов эволюции. Следовательно, в тех или иных формах мораль очень даже свойственна другим видам животных (в частности, приматам). Однако я намеренно выделяю слово *осознанно*, поскольку полагаю, что ни одно животное, кроме человека, не осознает своей конечности. Таким образом, ни одно другое животное не может *принять решение* умереть по каким бы то ни было причинам: моральным или неморальным.

Другим спорным моментом в рассуждениях Константина мне видится следующее утверждение:

человеческая осознанность характеризуется такой «закономерностью», которая [...] выражается в возможности нарушения практически любых закономерностей, и являет собой такой тип «рациональности», который готов идти наперекор любым наличным формам рациональности, умышленно ли, нечаянно ли.

Я не согласна лишь с утверждением о «нечаянности» такого поведения. Умышленное нарушение закономерностей как характеристическая черта человека — прекрасно подмеченная особенность. Но «нечаянно» — нет: тут видится мне какая-то неловкая пробуксовка, откат в бессознательное, в немислие. Туда, откуда, по словам Мамардашвили, регулярно вздыхают: «я не хотел так, само получилось» или «почему же со мной все время что-то не так?». *Нечаянно* — как раз та стадия, где нет мысли, где есть только животный порыв, на который наивно накинуто дырявое покрывало «якобы мысли» — того мусора, что часто летит в голове каждого из нас и в котором некоторые упорно не желают (не могут?) увидеть то, что он есть — всего лишь мусор.

На мой взгляд, текст Константина — прекрасный образец философского текста: он соединяет в себе ясность и последовательность, безупречную прозрачность и строгость с одной стороны и глубину, достижимую лишь ценой серьезного интеллектуального усилия — с другой. Я искренне признательна за столь насыщенный философский текст, который не просто позволил мне четче продумать некоторые положения моего собственного подхода, но и помог некоторые положения переосмыслить, сделав мою позицию более простой и ясной (пусть, может быть, для одной только меня).

ДИАНА ГАСПАРЯН

Диана в своем ответе закладывает крутой философский поворот и говорит не столько о том, насколько мышление, сознание и язык определяют человеческие способности оказаться за пределами мысли, сколько о нелегкой доле философа, которому в рамках своей профессии приходится заниматься рутинными выходами за эти пределы. В силу такого поворота мне сложно понять, шире или уже меня шагнула Диана в своем рассуждении. С одной стороны, уже: Диана пишет только о философах, в то время как я — обо всех. С другой стороны, шире: Диана хочет охватить всю философию, в то время как я даже не надеюсь на такой охват — достаточно вопроса о языке и мышлении. Возможно, именно в силу этой двойственности я не могу определиться, насколько то, что пишет она, согласуется с тем, что написала я.

Но что точно я должна отметить, так это то, что текст Дианы — прекрасный образец текста в стиле Мамардашвили: текста, который обволакивает и утаскивает за собой, заставляя внязыковым способом понять больше, чем хотели сказать слова. Для меня этот текст — медитация, которая выводит внимательного читателя (если пользоваться терминологией Дианы) на изнанку мира. Сначала я даже порадовалась, что мой текст смог такую медитацию спровоцировать, однако почти сразу поняла, что Диану не надо провоцировать: мы давно знакомы, я знаю, как уверенно Диана встает на путь таких медитаций, что каждый раз вызывает у меня приступ философской зависти — ее мастерство очень высоко или, наверное, правильное было бы сказать — глубоко. Признаюсь, я далеко не всегда успеваю за Дианиными философскими погружениями.

Возможно, именно в этом причина того, что я никак не могу определиться — одно ли и то же состояние описываем мы с Дианой. Вроде бы, должно быть да, но меня не покидает чувство, что нет. Не исключено, что все дело в эмоциональной окрашенности. У Дианы философ — любопытный исследователь, деловито исследующий изнанку мира; у меня — страдающий от того, что заглянул в бездну, ошарашенный близостью смерти и конечностью жизни. Возможно, это один и тот же философ. Например, Дианин философ — только начал исследовать изнанку, а мой — уже понял, *что* это за изнанка. Не знаю.

Тем не менее, разительное отличие любопытствующей и несколько безмятежной деловитости Дианиного персонажа резко диссонирует с опустошенностью и отчаянной решимостью моего. Кажется, главными

отличиями здесь являются следующие. Первое заключается в том, что Дианин герой может довольно долго и обыденно находиться в описанном состоянии, а мой — вышвырнут на ту сторону бытия и не менее решительно выброшен обратно в мир: для него нет простого перехода оттуда — туда и обратно. Второе же отличие в том, что у Дианы речь именно о философах — как особом виде исследователей. У меня же речь о буквально каждом человеке, который вынужденно становится в какой-то мере философом в силу тех или иных жизненных обстоятельств. Отличие, замечу, существенное. Если вместо философа представить хирурга, который, имея специальную подготовку, опыт и знающих коллег, каждый рабочий день в рутинном режиме проводит операции, а вместо обычного человека представить снова обычного человека, который в силу обстоятельств вдруг вынужден без опыта, подготовки, инструментов и знающих коллег в полевых условиях пытаться провести какую-то хирургическую процедуру, — станет ясно, насколько второму повезло меньше, чем первому. Приблизительно так я ощущаю разницу наших с Дианой описаний.

Подобное различие ни в коей мере не означает какого-либо противоречия или несогласия. Я полностью разделяю взгляд Дианы на то, чем занимается настоящий философ в своей профессиональной деятельности. Она замечательно показала внутренний запрос философской профессиональной работы. Я не могу надеяться на то, что мне так же хорошо удалось описать те моменты, в которых обычный человек попадает в ситуацию, где философствовать надо ему самому.

СОФИЯ ДАНЬКО

Признаюсь, я расположила ответы коллег в определенном порядке: у Сергея — самый академически выверенный ответ — ни шагу в сторону, все бесстрастно и сухо. У Игоря — ответ хотя и академический, но все же, как мне показалось, несколько раз промелькивает лукавое признание в том, что академическая форма здесь, скорее, игра, попытка уйти от животрепещущей сути. Алексей далек от сухого академизма, он уже позволяет себе широким движением распахнуть границы темы. У Константина — глубокий философский текст, проникнутый жаждой углубить, расширить, понять еще больше, вырваться и встать в том самом просвете бытия. У Дианы — медитация, позволяющая любому желающему нырнуть с головой и в полной мере прочувствовать, как сирены умудрялись заставить бросаться в море отнюдь не сентиментальных моряков, много повывавших на своем веку.

А вот текст Софии — это оголенные нервы и трепет, очень решительная в своем отчаянии попытка поговорить о важном. Честно признаюсь, мне страшно отвечать, потому что я боюсь невольно сделать больно не или недопониманием. В то же время я очень хорошо понимаю, о чем пишет София, когда говорит, что «жизнь вообще не предполагает обстоятельств, в которых имело бы смысл обсуждать нечто подобное». В то же время София удивительно кратко выражает то, что мне удастся с гораздо большим трудом: «спокойная уверенность людей, что они кое-что понимают в этой жизни — чистая комедия» и

наивность уверенного человека не знает границ, поскольку человек, как правило, не в состоянии видеть то, из чего сделан мир, из чего сделан он сам, не может непосредственно осознавать безграничную власть существования.

Поскольку текст Софии совершенно не следует академическим канонам, я позволю себе в ответе ей поделиться тем образом, который возник у меня за время прочтения и анализа всех присланных для панельной дискуссии текстов. Таким образом я надеюсь подвести итог дискуссии посредством простой и наглядной (как мне кажется) метафоры.

У меня есть несколько любимых «философских» сказок. Одна из них — «Дудочка и кувшинчик» Валентина Катаева (1940) (Катаев, 1991)². История проста: девочка Женя хочет собрать в лесу много земляники, но ей лень нагибаться за каждой ягодкой. Гриб-лесовик в обмен на кувшинчик отдает ей волшебную дудочку: пока играет дудочка, листики поднимаются и землянику очень хорошо видно, но для того, чтобы собирать ягоды, нужно отложить дудочку и взять в руки кувшинчик. Однако как только дудочка перестает играть, все листочки опускаются и собирать ягоды надо самым обычным способом, безо всякого волшебства.

Мне представляется, опыт, о котором пытаюсь рассказать я или тот, о котором пытается рассказать София, очень похож на историю из этой сказки. Пока человек стоит в просвете бытия, он как будто играет на дудочке — играет сам, результаты видит ясно и отчетливо. Однако стоит выйти из просвета, опустить дудочку, как в руках остается только обычный кувшинчик, и нет никакой разницы между теми, кто играл и теми, кто просто собирал ягоды. За исключением того, что тот, кто играл, *видел*, сколько вокруг ягод и какие они. Становится ли жизнь от этого проще? Нет. Больше ли о ней теперь известно? Да.

²По этой сказке в 1950 г. был снят мультфильм с одноименным названием.

ЛИТЕРАТУРА

- Вааль Ф. де. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов / пер. с англ. Н. Лисовой. — М. : Альпина нон-фикшн, 2018.
- Катаев В. Дудочка и кувшинчик. — М. : Детская литература, 1991.

Gorbatova, Yu. V. 2018. "Otvety dlya panel'noy diskussii, ili Dudochka i kuvshinchik [Panel Discussion Summary, or Fife and Jug]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] II (4), 167–178.

YULIYA GORBATOVA

ASSOCIATE PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW)

PANEL DISCUSSION SUMMARY, OR FIFE AND JUG

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-167-178.

REFERENCES

- Katayev, V. 1991. *Dudochka i kuvshinchik [Fife and Jug]*. Moskva [Moscow]: Det-skaya literatura.
- Vaal', F. [de Waal, F.] de. 2018. *Istoki morali: v poiskakh chelovecheskogo u primatov [The Bonobo and the Atheist]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Lisova. Moskva [Moscow]: Al'pina non-fikshn.